

ДОКУМЕНТЫ КАНЦЕЛЯРИИ ТАЙНЫХ РОЗЫСКНЫХ ДЕЛ ВРЕМЁН АННЫ ИОАННОВНЫ

Аннотация: В статье дана характеристика комплекса архивных документов, которые отражают практику политического сыска времён Анны Иоанновны – канцелярии Тайных розыскных дел. Рассмотрены структура и штат органов политического сыска. Также проанализированы наиболее важные законодательные акты, касающиеся политического сыска с 1649 по 1730-е гг. Проанализировано количество следственных дел и число арестантов, чьи преступления расследовали канцелярии и её конторы в Москве, представлена общая характеристика политических процессов 30-х гг. XVIII в.

Ключевые слова: «Слово и дело», канцелярия Тайных розыскных дел, контора Тайных розыскных дел, политический сыск, Анна Иоанновна, А.И. Ушаков.

Об авторе: Черникова Татьяна Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры Всемировой и отечественной истории МГИМО МИД Российской Федерации. Tchernikova1961@mail.ru

В центре внимания нашей статьи будут документы значимого для царствования Анны Иоанновны (1730 – 1740) органа – канцелярии Тайных розыскных дел. Это был орган политического сыска. Мы коснёмся вопроса о том, в каких сферах исторического исследования документы канцелярии могут быть особенно интересны для историка.

Документы канцелярии Тайных розыскных дел и степень их изученности

Архив канцелярии сохранился фактически полностью. Он хорошо систематизирован и храниться в РГАДА в VI и VII Разрядах Госархива, фонд 349. Среди документов имеются:

- дела, отражающие все этапы следствия, суда и исполнения приговора;
- протоколы отдельных частей следствия и экстракты из них;

- именные указы по отдельным процессам;
- «Журнал» канцелярии, содержащий поручения и приказы её начальника;
- списки заключённых, называемых в XVIII столетии колодниками.

За 1730-е гг. накопилось около одной тысячи дел как самой канцелярии, так и её филиала (конторы Тайных розыскных дел) в Москве.

Кроме архивных источников к деятельности политического сыска времён Анны Иоанновны имеют прямое отношение ряд именных и сенатских указов и некоторые другие документы Сената и Кабинета министров 1730-х гг.

Нельзя сказать, что все названные выше источники, проливающие свет на работу канцелярии Тайных розыскных дел, были обойдены вниманием историков. Хотя до середины XIX в. дела канцелярии были недоступны исследователям, но в конце XIX – начале XX вв. все крупные политические процессы 1730-х гг. были рассмотрены Д.А. Корсаковым [4], С.М. Соловьёвым [29], И.А. Чистовичем [33], В.Н. Строевым [30], В.И. Веретенниковым [2] на основании именно архивных источников.

Однако потом наступил длительный период потери интереса к архиву канцелярии Тайных розыскных дел: с 1920-х – до начала 1980-х учёные не удостоивали его своим вниманием. Идеологическая составляющая в тогдашней методологии исторического исследования заставляла априори полагать, что политический сыск был орудием классового подавления протеста народных масс и защищал интересы «господствующего класса дворянства». При этом игнорировалась не только работа с архивными источниками по конкретным процессам, но и наработки «дворянской и буржуазной историографии». Параллельно необычайно широко, особенно в научно-популярной и учебной исторической литературе постулировался миф о «иностранном засилье» во времена Анны Иоанновны, отчего авторы полагали, что помимо классового протеста масс канцелярия Тайных розыскных дел

подавляла в 1730-е гг. выступления «патриотически настроенных» русских дворян против «иностранного засилья» в высших эшелонах власти.

С конца 1980-х интерес к анализу архива органов политического сыска 1730-х гг. вернулся. В итоге в конце XX в. историки Т.В. Черникова [31,32] и Е.В. Анисимов [1] получили редкую, хотя и курьёзную, возможность оказаться в роли «первооткрывателей» архива канцелярии Тайных розыскных дел и разрушителей укоренившейся мифологической традиции «иностранного засилья», хотя задолго до них В.Н. Строев своей блестящей монографией «Бироновщина и Кабинет министров», увидевшей свет в 1909 – 1910 гг., доказал, что никакой единой и антирусской «немецкой партии» в 1730-е гг. не существовало. Заслугой названных современных историков стал анализ всех без исключения документов канцелярии Тайных розыскных дел, который позволил построить доказательные статистические выкладки.

*Канцелярия Тайных розыскных дел
как орган политического сыска*

Чтобы понять для каких сфер исследования архив канцелярии Тайных розыскных дел имеет уникальное значение, надо сказать несколько слов о самом этом органе и предмете его деятельности. Канцелярия Тайных розыскных дел являлась в истории России третьим по счёту органом политического сыска. Предшественниками канцелярии Тайных розыскных дел являлись Преображенский приказ и Тайная канцелярия петровского времени. Первый из названных органов какое-то время совмещал политический сыск с руководством потешными полками Петра I, постепенно превращавшимися в гвардейские элитные части.

Преследованием политических преступлений Преображенский приказ занимался с 1689 г. по своё закрытие в 1729 г. Тайная канцелярия под руководством Петра Андреевича Толстого была создана для следствия по делу царевича Алексея в 1718 г., но и после смерти царевича она продолжила

действовать как орган политического сыска до 1726 г. При Петре I Преображенский приказ и Тайная канцелярия скорее не дублировали, а дополняли друг друга. Находящаяся в Петербурге Тайная канцелярия вела возникшие в новой столице и её окрестностях дела. Канцелярия провела также крупные политические процессы, возникшие после 1718 г., и все дела, так или иначе привлёкшие внимание Петра I. Преображенский приказ, возглавляемый Фёдором Юрьевичем Ромодановским, а после его смерти (17 сентября 1717 г.) с 24 февраля 1718 г. его сыном Иваном, занимался Москвой и всей страной. Причиной наличия двух автономных органов, подчинённых не друг другу, а напрямую царю могло быть желание Петра создать в политическом сыске определённую систему «сдержек и противовесов», дабы ни Ромодановские, ни Толстой не оказались монополистами этого дела и не приобрели излишнего безконтрольного влияния.

В 1724 г. Пётр I издал указ, который мог стать началом очередной реформы политического сыска. По крайней мере в именном указе от 20 января 1724 г. говорилось о необходимости учредить постоянно действующую контору Тайных розыскных дел при Сенате, а при ней ещё два органа: 1) «особливую палату ...для случившихся дел чрезвычайных», суд по которым будут вести члены Сената; 2) «другое место для таких дел, как Шафирово¹ случилось; но сему месту быть без служителей; но когда случай позовёт, тогда на время брать» [8:207]. Трудно сказать, послужил бы дальше этот указ реформе Тайной канцелярии и Преображенского приказа (об этих учреждениях в указе от 20 января ничего не говорилось) или царь собирался

¹ Вице-канцлер П.П. Шафиров в 1723 г. поссорился с А.Д. Меншиковым и обер-прокурором Синода Скорняковым-Писаревым. Вскоре он обвинил обоих в злоупотреблениях. Ответом были аналогичные обвинения, в результате которых Шафиров оказался под судом. 10 сенаторов приговорили его к смертной казни, заменённой Петром I на ссылку в Сибирь. На деле содержался Шафиров в Нижнем Новгороде. Екатерина I вернула Шафирова на службу и в столицу.

создать ещё третий орган политического сыска. Указ о конторе не содержит и намёка на серьёзную проработку реформы политического сыска. В этом же указе говорилось о нескольких совершенно не связанных ни с конторой, ни друг с другом вещах: о необходимости создать Инженерную контору, «Академию» для изучения иностранных языков, а также «о склонении калмыков к переходу в христианство, о таможенных сборах, о пересмотрах дворян». Перед нами явно пример «полёта» петровской мысли, многие из подобных поручений выливались потом в реформы, а многие не имели продолжения. До своей смерти (28 января 1725 г.) Пётр не возвращался к мысли о создании конторы Тайных розыскных дел.

При Екатерине I (1725 – 1727) и Петре II (1727– 1730) политический сыск в России переживал упадок. Это было вызвано субъективными причинами. «Партия птенцов гнезда Петрова» распалась ввиду необузданного честолюбия А.Д. Меншикова. В 1727 г. в опалу к «полудержавному властелину» угодил член Верховного тайного совета граф П.А. Толстой. Возглавляемая им ранее Тайная канцелярия была закрыта ещё в 1726 г., а его заместитель А.И. Ушаков сначала был переведён в Преображенский приказ в Москву, а в 1727 г. его отослали от двора, перевели в Ревель, потом в Ярославль, лишили поместья в 200 дворов. Ушаков, как и его начальник Толстой желали в отличие от Меншикова видеть наследником престола не сына царевича Алексея, а дочь Екатерины I – Елизавету Петровну. Толстой пострадал более Ушакова. Он угодил на Соловки, где и умер в 1728 г. вместе со своим старшим сыном Иваном, тоже соловецким сидельцем. Другой сын Толстого Пётр в том же 1728 г. умер в ссылке в своей деревне. Пётр. Начальник Преображенского приказа главнокомандующий, а потом и генерал-губернатор Москвы И.Ф. Ромодановский был стар, страдал подагрой и болезнью почек. Он старался убажывать переехавшего в Москву юного императора Петра II пышными праздниками, а дела Преображенского приказа забросил. В 1729 г. прошение Ромодановского уволить его по старости и болезни

от службы было уважено, а Преображенский приказ просто закрыли. Политические дела были переданы в Сенат, который благополучно их «завалил», т.к. был загружен совершенно иной и более значимой для него деятельностью.

Однако бурные события междоусобицы 19 января-25 февраля 1730 г., сопровождаемые попыткой реформы самодержавия в России, заставили новую императрицу, дочь соправителя Петра I в 1682 – 1696 гг. царя Ивана V Алексеевича, Анну задуматься о возрождении специального органа политического сыска.

Из старых начальников политического сыска в живых был лишь Андрей Иванович Ушаков. В междоусобицу 1730 г. он прибыл в Москву, особо не активничал, но подписал один из «шляхетских прожектов», ратовавший за восстановление самодержавия. Это не осталось без внимания. Ушакову пожаловали 500 дворов крепостных крестьян и назначили членом Сената.

24 марта 1731 г. генералу А.И. Ушакову поручалось организовать новое учреждение политического сыска. 25 марта 1731 Андрей Иванович с группой набранных им чиновников, в большинстве своём также «ветеранов» петровских сыскных политических органов, въехал в апартаменты бывшего Преображенского приказа в Москве. До 1732 г. императрица Анна Иоанновна, её двор и правительство находились в старой столице. Новый сыскной орган получил название не Преображенского приказа, а канцелярии Тайных розыскных дел. Ушаков оказался настоящим подвижником политического сыска. Большую часть своего времени он проводил в преображенских «светлицах»² и требовал от персонала канцелярии Тайных розыскных дел такого же рвения.

Когда в 1732 г. Анна Иоанновна решила переехать из Москвы в Петербург, структура канцелярии Тайных розыскных

² Помещения Преображенского приказа и канцелярии делились на камеры без окон — «темницы», и комнаты с окнами - «светлицы».

дел усложнилась. А.И. Ушаков двинулся за императрицей во главе так называемой «Походной канцелярии Тайных розыскных дел». Вскоре выяснилось, что царица как достойная племянница Петра I намерена жить на берегах Невы постоянно. Здесь же обосновался её двор и главный орган государственного управления её времени Кабинет министров, здесь же находился Сенат и Коллегии. Походную канцелярию перестали именовать «Походной». Называли её просто канцелярией Тайных розыскных дел, как до переезда из Москвы в 1731 – 1732 гг. Она сделалась главным органом политического сыска Российской империи. Вела дела, возникшие в Петербурге и в Петербургской губернии, а также все крупные процесс и различные дела, привлекавшие внимание императрицы и видных государственных «персон» (кабинет-министров, к примеру). Для современного человека штат сотрудников канцелярии был крайне мал – всего 19 человек вместе с начальником, плюс приходили 30 гвардейских солдат и один офицер для несения караула и исполнения прочих поручений (конвоирование колодников, курьерской службы и т.п.). Итого – 50 человек. Однако по тем временам штат не маленький. Для сравнения, в середине 1720-х ведомство генерал-полицмейстера Петербурга А.М. Дивьера состояло из 53 человек, а занималось не только поддержанием порядка на улицах, следствием и судом по уголовным делам, мощением дорог, осушением болотистых мест, расстановкой фонарей и скамеек в новой столице. Согласно докладу А.И. Ушакова Кабинету министров в 1736 г. в петербургской канцелярии работали один секретарь (Василий Казаринов, потом Степан Хрущёв) с окладом в 400 рублей, по Табели о рангах 1721 г. и указу 1731 г. это на 100 рублей превышало оклад армейского полковника [9:375-377], три канцеляриста, получавших в год подполковничье жалование в 150 рублей, четыре канцеляриста и пять копиистов, два заплечных дел мастера и два канцелярских сторожа. Рабочий день длился 17,5 часов с 7 утра до 23.30. Выходных не было [2:108].

Оставшуюся в Москве канцелярию переименовали в

кантору Тайных розыскных дел. В отличие от московского Преображенского приказа времён Петра I, Екатерины I и Петра II она была подчинённым по отношению к петербургской канцелярии органом, её филиалом. Но этот филиал вёл дела, поступающие со всей России, а также возникшие в Москве и её окрестностях. В количественном отношении кантора провела за 1730-е гг. дел больше, чем канцелярия, но они были менее значимые. Сама кантора не удостоилась той мрачной славы, которая в мемуарах современников и детей современников Анны Иоанновны сопровождает канцелярию Тайных розыскных дел. А если говорить точнее, то кантора вообще не оставила никакой памяти ни у современников, ни у потомков, ни у большинства историков. Мы ещё вернёмся к объяснению этого парадокса. А пока отметим, что штат канторы был меньше канцелярского – 12 человек плюс также сменный отряд московских гвардейцев во главе с офицером. Возглавлял кантору родственник царицы Анны Иоанновны по матери московский главнокомандующий Семён Андреевич Салтыков. За рвение в восстановлении самодержавия он получил 800 крестьянских дворов, чин генерал-аншефа и первое время после переворота 25 февраля 1730 г. командовал всей гвардией. Однако по характеру Салтыков был человеком незлобивым и не очень решительным. В противоположность своему начальнику в области политического сыска Андрею Ивановичу Ушакову Семён Андреевич Салтыков стремился бывать на Преображенском дворе, где располагалась кантора Тайных розыскных дел, как можно реже и перепоручил все её дела секретарю. Секретарём московской канторы являлся Семён Потокин (в 1738 г. его из-за болезни сменил Тихон Гуляев). В былые времена Потокин служил в Преображенском приказе. Его коллега Гуляев и петербургские секретари Казаринов и Хрущёв ранее служили в Тайной канцелярии, причём Казаринов являлся представителем Тайной канцелярии в Москве.

Бюджет канцелярии и канторы составлял первоначально 5885 рублей в год. Деньги отпускала Штац-кантора, а отчёты по

расходуванію средств – Сенат. Однако, когда петербургская канцелярія не уложилась в свои 3569 рублей, по требованію А.И. Ушакова её бюджет подняли 4885 рублей в год. На экстренные нужды по особо важным делам могли поступать сверхбюджетные средства. Так, в 1734 г. «е.и.в. соизволила указать для некоторого нужнейшего дела, подлежащего Тайной канцелярії..., тысячу рублей из Сената выдать» [12]. В среднем в 1730-е гг. бюджет канцелярії и конторы составлял 1/10 часть суммы, которую выделяла казна на содержание всех органов местного управления Россіи (51 тыс. рублей в год) [3:127-128]. Учитывая небольшой штат сотрудников органов политическаго сыска это было не мало. Правда, не шло ни в какое сравненіе со 100 тыс. рублей выделяемых на нужды любимого ведомства царскаго фаворита Э.И. Бирона – царской конюшни [29:47-48]. Но и здесь не всё было так просто. Конюшенное ведомство завело несколько конных заводов, трудами которых к концу 1730-х гг. в Россіи сумели вывести пригодную к нашим условиям породу крупных лошадей, а следом создали первый в Россіи настоящій полк тяжёлой кирасирской кавалеріи – Конногвардейскій.

Архаика старомосковской приказной традиціи проявилась в определении полномочій канцелярії Тайных розыскных дел. Указ от 24 марта 1731 г. определил не права и положеніе органа политическаго сыска, а поручил конкретному лицу, генералу А.И. Ушакову, наладить дело политическаго сыска: «... указали мы важные дела ведать господину генералу нашему Ушакову; и когда он востребует к привлеченію оных дел канцелярских служителей и прочего, что к тому управленію принадлежит, и в том по предложенію его... решеніе учинить в Сенате» [9:404]. Ушаков далее и выстроил архитектуру своего ведомства, прописав его полномочія, прежде всего как полномочія начальника этого ведомства.

Ушаков имел право непосредственнаго доклада монарху. Значительная часть дел его ведомства оформлялась именными указами царицы. Анна Иоанновна, не любившая рутины

повседневного управления страной, проявляла живейший интерес к деятельности канцелярии Тайных розыскных дел, была в курсе всех её «великих» и значительного числа даже мелких процессов. Еженедельно царица слушала доклады (краткие экстракты) Ушакова о рассматриваемых в канцелярии делах, утверждала или изменяла (обычно смягчала) приговоры. Заметки: «е.и.в., слушав оной выписки определение соизволила указать о учинении за показанную вину наказания...» [17:20] или «е.и.в. соизволила указать исследовать в Тайной канцелярии» [16:67] встречаются в документах канцелярии повсеместно. Ушаков мог обращаться в любой центральный или местный орган государственного управления. В дела же канцелярии Тайных розыскных дел не имели права вмешиваться ни Юстиц-коллегия, ни генерал-прокурор, ни Сенат (для передачи информации в Сенат требовалось указание императрицы). Кабинет министров заслушивал пространные экстракты о делах канцелярии, но не вмешивался в руководство Ушаковым следственным процессом. Доверие, которое оказывала Андрею Ивановичу императрица, делала его лицом неподвластным и кабинет-министрам.

Что лежало в основе этого доверия? Прежде всего, личные качества начальника канцелярии Тайных розыскных дел. К 1732 г. Андрей Иванович превратился в человека-функцию, утратив многие личные запросы, столь характерные для его современников. Он не стремился к материальному обогащению, был равнодушен к роскоши, не мучился честолюбивыми планами, не вступал в придворные «партии». Смыслом его жизни стало исполнение того служебного функционала, который он сам себе прописал. Наверное, всё это явилось итогом осмысления его жизненного опыта. Потомственный дворянин, но не фамильный человек, Андрей Ушаков начал службу в 1704 г. солдатом-добровольцем Преображенского полка. К 1718 г. он входил в круг доверенных лиц Петра I. Царь назначил его помощником главы Тайной канцелярии Петра Андреевича Толстого в деле царевича Алексея. При Екатерине I Ушаков

слыл сторонником принцессы Елизаветы Петровны как возможной наследницы престола, отчего был не в фаворе у Меншикова. При закрытии Тайной канцелярии в 1726 г. Ушакова перевели в Преображенский приказ. Причастность Ушакова к делу Дивьера закончилась опалой. После закрытия в 1729 г. Преображенского приказа он был отправлен на жительство «в деревню». В ходе «Затейки верховников» 1730 г. приехавший в Москву Ушаков держался в стороне от политических страстей, хотя поставил свою подпись под одним из проектов, ратуя за восстановление самодержавия. Награда и благосклонность Анны Иоанновны привели Андрея Ивановича к мысли, что верная служба «по регламенту» любому лицу, занявшему трон, самое надёжная гарантия собственного статуса. В дальнейшем это сделало Ушакова незаменимой фигурой на посту главы политического сыска. Большую часть остатка своей жизни Ушаков провёл в «светлицах» своей канцелярии в Петербургской крепости. Лично проводил допросы, присутствовал на пытках, выносил приговоры, сам вёл переписку с московской конторой. Обо всём этом свидетельствует «Журнал» канцелярии [27].

Уже после смерти Анны Иоанновны в краткое царствование её внучатого племянника Ивана VI (III) Антоновича в 1740 – 1741 гг. А.И. Ушаков вёл дела свергнутого Бирона и попавших под подозрение людей «партии» Елизаветы Петровны. После «революции 25 ноября 1741 г.», в пользу «весёлой принцессы» Елизаветы низвергал Брауншвейгскую фамилию, судил бывших сильных мира сего – А.И. Остермана, Ф. Миниха и др. Своей канцелярией А.И. Ушаков руководил вплоть до своей смерти, случившейся 20 марта 1747 г.

*Архив канцелярии и особенности
судебно-правовой системы России 1730-х гг.*

Документы канцелярии Тайных розыскных дел дают подробнейший материал о судебно-правовой системе России XVIII в. в области политического сыска. XVIII столетие не знало

понятия «политический процесс». В то время пользовались термином впервые юридически оформленном в Соборном Уложении 1649 г. царя Алексея Михайловича. Это было «государево слово и дело». Вторая глава Уложения 1649 г. в своих первых двух пунктах определяла важнейшие и опаснейшие для государства преступления. В дальнейшем устоялась формула - «государево слово и дело» по «первым двум пунктам»: «1. Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию.

2. Также будет кто при державе царского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления начнет рать збирать, или кто царского величества с недруги учнет дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругом, по его ссылке, Московским государством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщется про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнити смертию» [28:72].

Иными словами, «первый пункт» касался речей и дел, наносящих ущерб здоровью, жизни, власти, престижу царя, членов его семьи и царского правительства, а «второй пункт» – предполагал бунт и измену. К этому при Петре I ничего кардинально нового добавлено не было. Преступления «по первым двум пунктам» ещё раз были прописаны в ряде новоуказных статей, Воинском и Морском уставах. Дополнительный акцент был сделан на «хулительных» (они же – «поносные», «непристойные») словах о царской персоне. Подчёркивалась тяжесть такого рода преступлений, наносящих ущерб престижу царской власти. Так, в Воинском уставе говорилось: «Кто против е.в. Особы хулительные слова прогрешит, его действо и намерение презирать и непристойным

образом о том рассуждать будут, оный имеет живота лишён быть и отсечением головы казнён» [7:325].

Был ещё раз повторён перечень преступлений «по государеву слову и делу», прописана процедура доносов по нему, поощрений за правый своевременный донос, наказаний за несвоевременный и, что особенно интересно, наказаний за ложное «слово и дело» в именном указе от 10 апреля 1730 г. «О доносах по первым двум пунктам». Этот указ был опубликован на больших листах и развешивался в городах на людных местах, зачитывался в церквях и на торгах.

Начинался он с указания, что в последнее время «учинилось, что многие колодники, которые сидят под караулом в различных разбоях в смертных убийствах, в кражах и в других многих воровствах ... и каторжные невольники, которые за такие же тяжкие вины уже сосланы в работу, сказывают за собою Наше слово и дело по вымышленным первым двум пунктам, и для того из дальних губерний и провинций присылают в Москву в Сенат... многие чинятся розыски и пытки, где и невинные по оговорам их напрасно претерпевают...». Указ констатировал, что делают ложные доносы преступники и каторжники, надеясь получить прощения за свои вины. Далее с негодованием отмечалось, что и находящиеся на свободе «разных чинов люди ... такие же великие дела ложно затевают по злобе и по ссоре, желая кого привести к напрасному истязанию, и хотя за такое их ... умышленное воровство не только наказаны, но многие уже казнены и смертию, однакож и ныне не страшась того, ещё многие такие ж великие дела затевают, и невинных оговаривают ложно, отчего в правлении Государственных дел чинятся помешательства и остановка, а в даче под них и провожатым подвод и прогонов, казённый убыток» [9:261].

Уже сам факт, что указ начинался с пространныго осуждения ложных доносов по «слову и делу» свидетельствует, что именно размахом ложного доносительства частных лиц было в первую очередь обеспокоено государство. Это подтверждалось и тем, что далее сами преступления по «первым

двум пунктам» были прописаны куда короче, чем в Соборном уложении и петровских документах. К «слову и делу» относятся: « 1) Пункт: ежели кто каким умышлением учнёт на Наше Императорское здоровье злое дело, или Персону и Честь нашего Величества, злыми и вредительными словами поносить. 2) О бунте или измене, сие разумеется будет кто за кем подлинно уведает бунт или измену против Нас, или Государства» [9:262].

А далее, опять очень подробно (в 8-ми отдельных разделах) разъяснялось, что за правый донос положена награда, то только, если доносчик узнал о преступлении кого-то и в тот же день или в ближайшее к нему время оповестил власти. Если же не донёс вовремя, а «вспомнил» сам, находясь под судом за какие-то преступления, то такого доносителя уже ожидала не награда, а наказание вплоть до смертной казни. При этом, если колодник или каторжник сказывал «слово и дело», то следствие надо было начинать обязательно, а по другим винам этого делать не следовало. Крепостные люди, крикнувшие «слово и дело» ложно, чтобы избежать побоев, отсылались для наказания кнутом к своему хозяину. Если он их не брал назад, то годных к службе секли плетью и отдавали в солдаты, а негодных, «бив кнутом и вырезав ноздри, сослать в Сибирь на серебряные заводы в вечную работу». Солдат и матросов за ложные доносы по «первым двум пунктам» указ требовал наказывать шпицрутенами и оставлять в службе, как прежде.

Ярко классовый подход указ от 10 апреля 1730 г. демонстрировал в отношении применения к людям ругательств, где они назывались «изменниками» или «бунтовщиками». Все свободные подданные могли подавать в суд за это на обидчиков, а крепостные жаловаться за подобное на помещиков или их управленцев не могли.

Цитаты из Второй главы Уложения, петровских законодательных памятников и указа от 10 апреля 1730 г. мы постоянно встречаем при оформлении судебных решений в канцелярии Тайных розыскных дел. Из данных цитат явствует,

что законодательство XVIII в., как и законодательство века XVII, совершенно не чувствовало разницы между умыслом, словом и действием. За всё по закону полагалась смертная казнь. Варьировалась лишь степень её изощрённости. Закон не предполагал и смягчающих вину обстоятельств. Так что законодательная база 1730-х гг. в отношении политических преступлений в сравнении с серединой XVII в. практически не имела никакого качественного развития. Прогресс наблюдался разве что в прописывание угроз и наказаний за ложные доносы.

Однако, судебная практика была куда более гибкой. Цитируя закон, канцелярия Тайных розыскных дел через решения Ушакова, оформленное чаще всего именным указом императрицы Анны Иоанновны, выносила за незначительные, а иногда и существенные преступления куда более мягкое наказания, чем требовал закон. А он, как мы помним, за всё требовал смертную казнь. К примеру, в деле Фёдора Липина, осуждённого за изготовление фальшивых денег, в приговоре цитируется требование смертной казни в соответствии с пунктом 2 главы 4 Соборного Уложения, но вместо заливки расплавленного металла в горло колодника Липина ссылают на каторгу [19:37]. В подавляющем числе приговоров по делам о «непристойных словах» вместо смертной казни фигурировали битьё батогами, кнутом или плетью, которые могли сопровождаться в зависимости от «тяжести» преступления ссылкой в Сибирь. Простая болтовня о царской особе и «великих персонах», передача слухов, описки в царском титуле чаще всего наказывались поркой розгами или вообще внушением с взятием подписки больше подобное не совершать, хотя цитируемый в приговорах закон требовал за всё это смертной казни.

Дела канцелярии и конторы свидетельствуют и о практике признания смягчающих вину обстоятельств. Их было три: говорил «с пьяну», «в беспамятстве» и «с простаты» (т.е. не знал, что это преступление).

Деятельность канцелярии Тайных розыскных дел

свидетельствует о нерасчленённом процессуально следственно-судебном процессе. Канцелярия возбуждала дело, сама вела следствие, сама выносила приговор, редко (в отличие от своего московского филиала) приводила его в исполнение, но всегда контролировала исполнение приговора.

У органов политического сыска 1730-х гг. не было никакой агентурной службы. Впрочем, за 1732 – 1740 гг. известно 3 случая, в которых ведомство Ушакова пыталось само возбудить процесс. Один раз служители вели слежку, один раз пытались наладить проверку слухов. В третий раз в связи с началом Русско-турецкой войны 1735 – 1739 гг. канцелярия задумала создать «тайную заставу» для перлюстрации писем, идущих из действующей армии, но вскоре передала заставу военному командованию [24].

В целом «шпионы, что на ухе у Бирона лежат», как писал впоследствии в своих «Записках» адъютант врага Бирона генерал-фельдмаршала Миниха Манштейн, не более чем общественное подозрение, воспроизведённое этим прусским офицером на русской службе. К тому же стоит помнить, что Манштейн, когда речь заходит о Бироне, лицо заинтересованное в очернении последнего, т.к. фаворит был врагом его начальника Миниха. А именно к «Запискам» Манштейна обращались многие историки XIX в., не имея доступа к архиву канцелярии Тайных розыскных дел. От Манштейна идёт и явное преувеличение размаха «террора» ведомства А.И. Ушакова. Адъютант Миниха писал о 20 тыс. сосланный Тайной канцелярией в Сибирь при Анне Иоанновне [5:248]. В действительности канцелярия и её московский филиал арестовали в два раза меньшее число людей, чем количество «сосланных» у Манштейна. Из 10 512 арестованных было осуждено и наказано 4 827 колодников, а ссыльных среди них оказалось 820 человек [32:46]. 55% колодников (5685 человек), попавших с 1732 по 1740 г. в канцелярию Тайных розыскных дел и её контору отпустили без наказания, т.к. на них донесли ложно [32:34]. Вот уж действительно, ничего так не затрудняет

выяснение исторической истины, как хорошо написанный исторический роман! В данном случае мемуары Манштейна.

К категории процессов по «государеву слову и делу» из 1909 дел канцелярии и конторы относятся 646 или всего 36% от общего числа дел. По центральному органу процент политических дел будет выше – 42%. Это и понятно, т.к. именно Петербург был средоточием политической жизни страны.

90% всех «государевых слов и дел» возбуждалось канцелярией в Петербурге и её конторой в Москве по доносам частных лиц, 10% по доношениям государственных органов. С. 24. Иногда (очень редко) дела возбуждались по указанию самой императрицы. Один раз 28 июля 1733 г. в «светлицу» канцелярии привели сенатского секретаря Григория Баскакова с письмом от Бирона. Но в данном случае, как оказалось, фаворит лишь выполнял волю императрицы. Означенный Баскаков явился во дворец и хотел сказать царице «слово и дело», но вёл себя неадекватно, был в смятении, и Анна Иоанновна приказала Бирону послать его в ведомство А.И. Ушакова, чтобы разобрался. Ничего существенного и опасного по этому делу не явилось.

Следствие по «слову и делу» в 1730-х гг. могло включать несколько этапов: расспрос – расспрос с пристрастием (т.е. угрозой пытки) – расспрос в застенке. Естественно, каждый последующий этап возникал, если существо дела не выяснялось само собой и доносчик, обвиняемые и свидетели не сходились в показаниях. В ходе расспроса с пристрастием могли проводиться очные ставки со свидетелями и доносителями, на подозреваемого могли одевать кандалы или сажать его для острастки в карцер.

Интересно, что эпоха Просвещения давала о себе знать и в следственных документах старались не писать, какие именно пытки применялись к участникам процесса. При «запирательстве» подозреваемого пыткам подвергались и доносчик, и свидетели. В протоколах обычно стояла формула: «а с пытки говорил...». Очень редко в делах с тяжкими обвинениями из контекста записи можно получить информацию

об отдельных пытках. Так в деле крестьянки Настасьи Григорьевой всплыло обвинение, что, якобы, она в 1723 г. заявила о Петре I, что «это не царь уродился, а Антихрист» [18:10]. В документе читаем: Настасья Григорьева «с пяти пыток и огня винилась».

И всё же историки знают о всех видах пыток, которые применяла канцелярия Тайных розыскных дел. При её закрытии в осуждение её жестоких практик был составлен перечень пыток [26]. Веретенников опубликовал этот перечень в 8-м томе «Русской старины» за 1873 г. Он содержит 5 принципиальных позиций в порядке ужесточения:

- битьё кнутом на дыбе (5-20 ударов);
- сжатие железными тисками пальцев рук и ног;
- капанье холодной водой на выбритую на голове колодника пролысину;
- поднятие колодника на дыбу за связанные за спиной руки;
- вождение горящими вениками по спине привязанного к лавке колодника.

В отличие от пыточных практик Сысского приказа, органа пресекающего разбой, заплочных дел мастера канцелярии Тайных розыскных дел не имели задачи искалечить колодника или довести его до смерти. За 8 лет деятельности канцелярии и конторы от пыток в их стенах из 10 тысяч колодников умерло 7 человек [14]. В это же время Нижегородский отряд Сысского приказа довёл пытками до смерти только за один 1733 г. 30 пойманных разбойников, а в 1735г. – 56 разбойников [6:503].

Большинство узников канцелярии Тайных розыскных дел проходило по незначительным делам о «непристойных словах» и обсуждениях слухов и нет ничего удивительного, что архив канцелярии рисует совсем не страшную картину их обыденного содержания в «светлицах» (комнатах с окнами). Из «Журнала» канцелярии мы узнаём, что караульным солдатам разрешалось раздавать колодникам милостыню и еду, но нельзя было передавать книги. Караульного солдата Ивана Козлова наказали

за то, что принёс заключённым «Четью Минею» [22:2]. Инструкция Ушакова о посылке солдат с деньгами колодников на рынок для покупки продовольствия для подследственных. В «Журнале» постоянно повторяются инструкции Ушакова караульным гвардейцам «стоять на карауле твёрдо и разговоров с колодниками не иметь» [22:8]. Повторы свидетельствуют, что гвардейцы эти инструкции нарушали.

В 1733 г. случился даже «побег» из канцелярии Тайных розыскных дел. Копиист главной дворцовой канцелярии Кузьма Зыков, сидевший за ложное сказывание «слова и дела», был отпущен солдатами за «харчем» и вовремя не вернулся. После его поимки караульных гвардейцев, упустивших колодника, били в наказание «батогами нещадно», сам «герой дня» был отстёган плетью и сослан в Сибирь на серебряные заводы [12:5].

Подготовка текстов приговоров в Петербурге велась Ушаковым, в Москве – Салтыковым. Окончательное оформление приговора могло быть разным. По мелким делам достаточно было решения Ушакова или Салтыкова. 25% решений последнего отправлялось на утверждение Ушакова в новую столицу. По всем крупным делам и значительному числу рядовых дел, расследованных в Петербурге, вносимый Ушаковым текст приговора в итоге оформлялся именным указом Анны Иоанновны или указом, в разработке которого принимали участие Кабинет министров или Сенат.

Перечень наказаний выявляется из дел. Он достаточно широк. В порядке возрастания суровости выглядит так: порка кошками, плетью; битьё шпицрутенами, батогами, кнутом, ссылка (в дополнение к одному из перечисленных выше наказаний или без этого); вырывание ноздрей, урезание ушей, наложение клейма на лицо; урезание языка, одно из перечисленных плюс ссылка; то же самое плюс ссылка на каторгу («в вечные работы»); смертная казнь (повешение, отсечение головы, четвертование, колесование, заливие расплавленного свинца или олова в рот, повешение за рёбра).

Как мы уже говорили, канцелярия сама приговор

приводила в исполнение редко, но всегда отслеживала его исполнение. Контора, напротив, сама проводила назначенные наказания. Если сравнить практику наказаний органов политического сыска 1730-х гг. с практикой Преображенского приказа и Тайной канцелярии, то казнённых в петровское время было значительно больше, а по изощрённости казней по громким петровским делам (дело Фёдора Шекловитого, стрелецкие дела 1698 г., дела восставших астраханцев, башкир, дело князя Гагарина и пр.) в сравнении с крупными процессами 1730-х (дела Долгоруковых, дело кабинет-министра А.П. Волюнского и его конфидентов) мы не найдём особой разницы.

Почему же в воспоминаниях современников, того же Манштейна, «Тайная канцелярия» 1730-х затмевает «славу» своих предшественников? Одним из объяснений является, безусловно, изменение общественных представлений на данный счёт. То, что в средневековой России и даже в петровское время ещё воспринималось как обычное дело, как казнь-развлечение для толпы зевак, к концу первой половины XVIII в. превратится в нечто другое. Образованная элита эпохи европейского Просвещения, включая русское дворянское общество, начнёт чураться излишней жестокости, осуждать её и ужасаться ей. Другой причиной дурной славы канцелярии Тайных розыскных дел 1730-х были государственные пропагандистские кампании времён Елизаветы Петровны и Екатерины II, о которых мы писали в отдельной статье.

Архив канцелярии Тайных розыскных дел как зеркало уровня развития политического сознания в 1730-х гг.

Документы органов политического сыска 1730-х гг. являются прекрасным источником для изучения уровня общественно-политического развития послепетровской России.

Господство мелких и, по современным понятиям, совершенно неважных и неопасных для государственной власти дел свидетельствует о достаточно низком политическом сознании россиян 30-х гг. XVIII в. Из 1909 дел, расследованных

в это время канцелярией и конторой, к категории значимых или крупных можно отнести только 128 дел. Все они были проведены канцелярией Тайных розыскных дел. Из прочих дел канцелярии 154 пришлось на дела, где в «хулительных словах» осуждались указы и действия должностных лиц, 122 дела содержали непристойные слова в адрес Анны Иоанновны, 62 дела возникли на религиозной почве. В Москве дела рассматривались по тем же рубрикам и примерно в том же соотношении совершённых преступлений. Низкий уровень политического сознания российского шляхетства отражался в том факте, что часто дворянин вкладывал в свои уста ту же брань, что и представители низших или, как тогда часто говорили, «подлых» сословий. Нелестный эпитет кабинет-министра Волынского – «сударыня у нас дура», вполне созвучен фразе гренадера Ивана Седова, которому, как и всем нижним чинам, задерживали выплату жалования, а потому, увидев, как Анна Иоанновна подала милостыню нищему, солдат в сердцах произнёс: «... кирпичом бы её ушибить сверху» [15:6].

В некоторых делах совсем не было никакого политического протеста или подтекста. Простолюдinka Авдотья Львова угодила в канцелярию тоже за «непристойные слова». Она пела песню, где героиней являлась царевна Анна Иоанновна. По сюжету песни Анна упрашивала дядюшку: «...не дай меня дядюшка царь государь Пётр Алексеевич в чужую землю нехристианскую, басурманскую, выдай меня царь государь за своего генерала, князя, боярина» [25:5]. Иногда дела были просто комические. Родственника принцессы Елизаветы малолетнего кадета Мартина Скавронского выдрали кошками за рассуждения, что ему бы тоже хотелось стать императором «для улучшения своего положения» [21:2]. А вот запорожские казаки попали на «беседу» к А.И. Ушакову за то, что, как и Авдотья Львова, «сочувствовали» Анне Иоанновне. Они были застигнуты во дворце при разглядывании портрета императрицы и высказывании восхищения её пышными формами [23:1].

Помимо распространённых политических процессов в

практике канцелярии встречались и другие. 5 процессов, отнесённых нами к числу важных, было по делам самозванцев. Хотя реально эти самозванцы не представляли собой никакой реальной опасности для престола [10]. 9 дел касалось сторонников Елизаветы Петровны [20]. К недовольству иностранцами можно отнести 8 процессов. Попытке воздействовать на судьбу наследования русского престола из-за рубежа относится дело герцога де Фелари. Старик привёз в Россию условия, на которых герцог Мекленбургский, отец Анны Леопольдовны, племянницы Анны Иоанновны, соглашался на её замужество с Антоном Брауншвейгским. Русская императрица не нуждалась в его условиях, а потому и его эmissар де Фелари был схвачен, секретно заточён в одном московском доме, где, вероятно, и скончался [11].

Более полусотни дел, проведённых канцелярией, расследовали казнокрадства, взяточничество, произвол и прочие вещи, которые не имели никакого отношения к политическим преступлениям. В 1735 г. люди Ушакова даже тушили пожары, охватившие окрестности Петербурга, и ловили поджигателей. Об этом в личном письме к Ушакову просила императрица: «Андрей Иванович! Здесь так дымно, что окошко открыть нельзя, а всё от того, что горит лес; нам то очень удивительно, что того никто не смотрит, как бы оные пожары удержать, и горит уже не первый год. Вам осмотреть, где горит и отчего оное происходит, и притом разошли людей и вели как можно скорее огонь затушить» [29:50].

По количеству дел органы политического сыска 1730-х гг. уступают последующим эпохам. В 1740-е канцелярии Тайных розыскных дел провела 2 478 дел, в 1750-е – 2 413 дел. В этом плане «весёлая царица» Елизавета Петровна превзошла свою «суровую» кузину Анну Иоанновну. Екатерина II уничтожила канцелярию Тайных розыскных дел, но лишь за тем, чтобы создать на её месте Тайную экспедицию, полностью унаследовавшую структуру и практику предшественницы. Однако по десятилетиям число дел экспедиции уступает

канцелярии Тайных розыскных дел. В 1760-е было расследовано 1246 дел, в 1770-е – 1034 дела, в 1780-е – 942 дела. А вот 1790-е гг. за счёт репрессий Павла I количество розыскных дел будет больше, чем при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне. В 1790-е было проведено 2 861 дело, а число сосланных при Павле насчитывало 10 тыс. человек.

Вернёмся, однако, во времена Анны Иоанновны. Ряд дел этого периода можно объединить в целые политические процессы. Так процесс кабинет-министра Волынского насчитывал 90 дел [32:35], а второй процесс князей Долгоруковых – 22 дела [32:35]. Однако, бывали и обратные примеры. Так касательно смоленского губернатора князя Александра Черкасского прошло два процесса (самого князя и доносившего на него Фёдора Красного Милошевича), но оба отражены в одном деле [32:35].

Для понимания политической ситуации в годы царствования Анны Иоанновны знаковыми являлись 5 судебных процессов: первое разбирательство по делам Долгоруковых 1730 г. (оно прошло ещё до создания канцелярии Тайных розыскных дел, затем по его следам в 1731 – 1737 гг. прошло ещё 7 дел), процесс А.А. Черкасского 1734 г., процесс Д.М. Голицына 1736 г., второй процесс Долгоруковых (1738 – 1741 гг.), процесс 1740 г., где ответчиками выступил кабинет-министр А.П. Волынский и его «конфиденты» Хрущёв, Мусин-Пушкин, Соймонов, Еропкин, Эйхлер, де ла Суд. Все названные люди занимали высокие государственные посты, являясь, как тогда говорили, «важными персонами». В этих казусах значимым является выявление смысла их деятельности, за которой последовало падение и даже казнь ряда Долгоруковых, Волынского и двух его конфиденентов.

Дела Долгоруковых и дело Голицына это «бумеранги» междоусобия января-февраля 1730 г., отголоски попытки олигархического (кондиции) и конституционно-аристократического (проект Д.М. Голицына) упразднения самодержавия. Однако, провал обоих вариантов реформы

верховников, получившей у российского шляхетства явно нелестное прозвание «затейки верховников», показал, что дворянство полагает самодержавие лучшей формой государственного устройства России.

Процессы А.А. Черкасского и А.П. Волынского возникли в рамках этой парадигмы. Дело Черкасского отражало готовность русского дворянства думать и рассуждать на тему, какой из кандидатов имеет больше прав на законное занятие трона. Но все эти рассуждения строились в рамках вожделия собственной выгоды, личной карьеры. Здесь не шла речь о неких заговорах или переворотах. Смоленский губернатор в частных беседах просто высказал мысль, что рано или поздно внук Петра I гольштинский принц Карл Пётр Ульрих окажется на российском троне, а потому он советовал молодому незнатному смоленскому шляхтичу Фёдору Милошевичу, не имевшему видов на карьеру в данный момент в России, отправиться в Киль и заранее поступить на службу к этому возможному претенденту. Попытка Милошевича разыграть этот сценарий привела его к полной нищете и донос на «непристойные речи» Черкасского оказался тем единственным «спасательным кругом», который решил на какое-то время жизненные проблемы Милошевича. Далее, он решил поставить доносительство, причём ложное, на поток, что, в конце концов, привело его самого на плаху. Как мы видим, никакой осознанной и опасной для власти Анны Иоанновны оппозиции в деле Черкасского не просматривается.

Дело Волынского было иного плана и отражало две стороны политической жизни России. Одна его сторона, главная, была связана с ростом таких неперенных спутников любой абсолютной монархии как временничество и фаворитизм. Особое доверие монарха в первом случае и личная близость к нему – во втором делали отдельных людей «важными персонами», реально обладающими огромным влиянием и властью под сенью своего патрона-царствующего монарха. При Анне среди статских временщиками оказались кабинет-

министры Г.И. Головкин, А.М. Черкасский, П.И. Ягужинский А.П. Волынский и особенно главный «по гамбургскому счёту» кабинет-министр вице-канцлер А.И. Остерман, а из военных, особенно после начала Русско-турецкой войны 1735-1739 гг., главнокомандующий и президент Военной коллегии Ф. Миних. На почве фавора подвизался незнатный немецкий дворянин Э.И. Бирон, любимец Анны ещё по её пребыванию в статусе вдовствующей герцогини Курляндской. Анна сделала Бирона обер-камергером, главой своего двора, а также российской марионеткой в роли наследственного герцога Курляндии, автономной прибалтийской страны, формально зависимой не от России, а от Речи Посполитой. Все названные «важные персоны» с иностранным происхождением не только не составляли единой коалиции, но находились в открытой вражде друг с другом. Остерман противостоял Бирону, соперничал во влиянии на внешние дела с Минихом. Бирон помимо конкуренции с Остерманом и Минихом имел соперниками на поприще личного фавора братьев Левенвольде. Такое положение сохранялось и после смерти в 1735 г. одного из них – Карла Густава.

Русский аристократ Артемий Петрович Волынский ворвался на российский политический олимп в 1738 г. как протее Бирона, стремившегося иметь среди кабинет-министров «своего человека». До этого таким «своим» противовесом Остерману являлся Ягужинский, некогда в 1730 г. враг, а потом друг Бирона. После смерти кабинет-министра Ягужинского (1736) надежды фаворита были связаны с Волынским, которому курляндский герцог помог получить данный пост. Деятельный, сравнительно молодой Волынский готов был в отличие от кабинет-министра А.М. Черкаского вникать во все нюансы управления, тащить на себе его рутину не хуже трудоголика Остермана. Он быстро завоевал симпатию императрицы Анны. Именно его с 1739 г. царица желала видеть докладчиком от Кабинета министра по всем государственным делам. Это автоматически снизило «вес» Остермана. Но Бирону не приходилось радоваться. Почувствовав симпатию Анны

Иоанновны к себе, Волынский стал холоден со свои прежнем покровителем, скорополительно полагая, что со временем он сможет победить и Остермана, и Бирона. Все зависело от «случая». Как оказалось, Волынский не рассчитал свои силы. Игра сразу против двух «важных персон» погубила его.

Когда 15 апреля 1740 г. был начат политический процесс против него, обнаружилось то, что выделяет дело Волынского из трясины борьбы мелких личных честолюбий и привлекает внимание историка к личности Артемия Петровича как государственного деятеля. Оказалось, что этот карьерист и казнокрад разрабатывал с друзьями-единомышленниками проект государственных реформ, не затрагивающих саму суть абсолютной монархии, но ставящих её в определённые законные рамки, укрепляющие позиции российского шляхетства, расширяющие дворянские социально-политические привилегии и дающие гарантии защиты от самодержавного произвола. По сути, здесь мы имеем дело с настоящей программой высшего чиновного круга. Это свидетельствовало, с одной стороны, о росте политического самосознания высшей бюрократии в России, а на фоне остальных политических дворянских дел 1730-х гг. говорило об отрыве её от тех нужд и устремлений, которыми жило рядовое русское шляхетство, составлявшее 82% служилого по отчеству сословия. Последние, как показали ещё шляхетские «прожекты» 1730 г., желали, прежде всего, социально-экономических привилегий: отмены закона о «Единонаследии», сокращения срока службы, минования для юных шляхтичей начала службы с низших солдатских чинов, повышения жалования и поместных раздач. Кроме последнего, как мы знаем, Анна Иоанновна и её правительство пошло навстречу русскому дворянству, а потому её царствование и не знало никакой серьёзной оппозиции со стороны дворянства. О последнем собственно и свидетельствует основная масса мелких политических дворянских дел из архива ведомства А.И. Ушакова.

Кабинет-министр Волынский кончил жизнь 27 июня 1740 г. на плахе на Сытном рынке недалеко от Петропавловской

крепости. Ещё в застенках канцелярии Тайных розыскных дел ему урезали язык («поносные слова» – «государыня у нас дура...») – не прошли даром). На площади палач отрубил правую руку Волынского, а потом голову. Похоронен он был в общей могиле с двумя казнёнными вместе с ним конфиденентами П.М. Еропкиным, бывшим начальником Комиссии Санкт-Петербургского строения, и А.Ф. Хрущёвым, бывшим советником Адмиралтейства.

Никаких волнений в шляхетстве и новых дел, связанных с процессом Волынского, не возникло. Кстати, как и в деле Д.М. Голицына, поводом к возбуждению процесса против Волынского послужили не политические обвинения, а «партикулярные» (частные) интересы, выходящие за рамки служебных обязанностей обвиняемых. Голицын по просьбе сына пытался помочь своему зятю Константину Кантемиру отвергнуть претензии его мачехи на отцовское наследство. «Партикулярный интерес» Волынского заключался в использовании в личных целях средств, взятых из казны, а также избивание находящегося под патронажем Бирона поэта Тредьяковского в апартаментах обер-камергера, что наносило удар по чести самого Бирона.

Понятно, что после событий междоусобицы января-февраля 1730 г. Анна Иоанновна и её правительство старались отслеживать настроения общественной элиты. Из 128 дел, которые мы отнесли к крупным делам, 126 пришлось на пресечение политических преступлений «благородных» колодников [32:240]. Это дела представителей российского дворянства, чиновничества и высшего духовенства. В застенках конторы «благородные» составляли 20% колодников. В петербургской канцелярии их число поднималось до 45,5% колодников (1465 человек за 1732 – 1740 гг.) [32:242].

Важные «народные» дела связаны со случаями самозванства, однако «царевичи» 1730-х гг. не были вдохновителями восстаний, не имели большого числа сподвижников. В «царевичи» их «выдвигала» старообрядческая среда, но сами они пытались использовать свой «царский

статус» лишь для обеспечения себе небольшого пропитания и временного крова. По сравнению с этими «политическими делами» куда большую опасность для государственного порядка представляло разбойное (чисто уголовное) движение, которое приобрело в царствование Анны Иоанновны значительный размах [32:174-179].

Литература

1. Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999.
2. Веретенников В.И. Из истории Тайной канцелярии 1731-1762 гг. Харьков, 1911.
3. Долгоруков П.В. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. М., 1909.
4. Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань, 1891.
5. Записки Манштейна о России. Ч. II. Спб., 1875.
6. Очерки по истории СССР. Т. VIII. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957.
7. Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / Под ред. К.А. Софроненко. М., 1961.
8. ПСЗ -1. Т. VII. № 4427.
9. ПСЗ-1. Т. VIII. № 5688. № 5528. № 5528. № 5727.
10. РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 187, 192, 186. Разряд VII. Д. 286. Фонд 349. Д. 213 (Московская контора)
11. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 193.
12. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 269. Часть II.
13. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 269. Ч. II.
14. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 272. Ч. 1-18.
15. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 281.
16. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 294.
17. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 352.
18. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 354.
19. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 378.
20. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 395, 416, 469, 502, 513, 551, 747, 750, 291.
21. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 414.
22. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 498.
23. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 505.
24. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 647.

25. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 670.
26. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 2116.
27. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Журнал Тайной канцелярии.
28. Соборное уложение 1649 года / Под. ред. *М.Н. Тихомирова, П.П. Епифанова*. М., 1961.
29. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. X. Т. XIX. Т. XX.
30. *Строев В.* Бироновщина и Кабинет министров. Ч. I-II. М., 1909-1910.
31. *Черникова Т.В.* Государево Слово и Дело при Анне Иоанновне // История СССР. 1989. № 5. С. 155-163.
32. *Черникова Т.В.* Политические процессы 30-ых гг. XVIII в. в России. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 1989.
33. *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.